

Истощение судьбой

Д. А. Маденов

16+

Денис Александрович Маденов

Истощение судьбой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67032908

SelfPub; 2021

Аннотация

Бесмысленное, бестолковое пространство для текста. Какой смысл вообще от этой книги, если эти 2 тысячи слов я перескажу прямо тут? В общем, произведение это можно сравнить с игроком в покер. Почему? Читайте, читайте! Нельзя, это аморально – писать здесь о содержании данной книги.

Содержание

I	4
II	16

Денис Маденов

Истощение судьбой

I

Проходил день. Смеркалось. Вечер хвастливо жёг свет на фонарных столбах и упрямо диктовал холод. По моде одетый человек своевольной походкой достиг автобуса, точно рассчитав время его остановки, проворно минуя встречных, изумленных лихостью юноши прохожих, и вошел в салон. Ему в глаза взглянул такой же юный и высокий, как и он сам, военнослужащий какого-то низкого звания, но поспешно спрятал свои зеницы в рядом стоящем ватнике сослуживца. Человек N (имя действительно связано с буквой “н”: родители назвали юношу в честь одного из древнегреческих героев) со спокойным достоинством оплатил проезд. Пока водитель пробивал талон гражданину N, тот, приспустив полукруглые очки с тонкой оправой без диоптрий на середину носа, заглянул в глаза бабушке, сидящей у окна напротив рубки шофера, однако та, почувствовав ослепительное влияние наружности молодого человека, смущенно и быстро отвернулась от него. Точнее, она была в нерешительности: смотреть ей перед собой или на быстро мелькающие бордюры и горящие витрины магазинов по правое ее плечо. Кста-

ти, о магазинах, о городе...

Юношу N было видно везде. Он часто гулял в парках, прохаживался по центру города и широким улицам, названия каких сразу приходили на ум прохожим, когда приезжие спрашивали их о том, где возможно прогуляться и, своего рода, отдохнуть. Молодой человек был замечен в гастрономических магазинах, где он обычно появлялся по пятницам, обходил все отделы по часовой и против часовой стрелки, изучая новые товары и новых посетителей, и по устоявшемуся обычаю брал с собой на кассу довольно мало. Приветствовался с кассирами и кассиршами каждый раз по-новому, прощался по-новому. Иной раз было совсем непонятно, как завязтое «привет» можно превратить в многосоставное предложение, но у молодого человека получалось, хотя, наверное, это отнимало часть сил.

Мистер N заглядывал нередко в хозяйственные отделения, потому что ему приходилось частенько менять коврики в прихожей, ибо он часто гулял, а также вставлять на место преходящих отработанных лампочек в ванной комнате, которая отличалась от большинства ванн присутствием огромного, по меркам любого человека, зеркала, причем не одного, новые. Прислушиваясь к запаху резины и краски, оглядывая садовых мышей, лягушек, гномов, фламинго и дачные качели с навесом, юноша перемещался в мир грёз, куда доступ был открыт одному N...

Молодой человек шёл в театры, практически все время

в первые ряды и первым вставал на аплодисменты актерам, иногда преждевременно – тогда смущенные артисты испуганно краснели и пытались перекричать незаконченными репликами рокот хлопков, перемежающийся с выстреливающими огульно «браво».

Н навещал пекарни, где брал свои любимые пышки в помадке и получал в подарок сладкие улыбки продавцов по выходе и очередном визите. Он обожал, как и многие в этом пристольичном городе, просто бывать в пекарнях, просто там находиться некоторое время, а потом уходить. Однако от господина Н нельзя было ожидать скорого или бесприбыльного ухода. Традиционно он входил через главные двери пекарни, стоял несколько секунд у порога, ожидая, когда до него дойдет запах булок, затем оценивающе всасывал его прямым красивым носом, и чисто после этого, кивнув чуть-чуть заметно и глазами поставив на самом продавце штамп удовлетворения критериям качества, проходил далее, внутрь. На полки с продаваемыми изделиями Н смотрел, как опытный критик рассматривает творчество начинающих талантливых художников, за исключением того факта, что, скорее всего, критикам не мешает во время экспертизы аромат батонов, мягкость которых чувствовалась в самом воздухе.

Человек Н присутствовал в местах показа новейшего кино, и такие места он называл «иллюзионами». Там юноша устраивался на ворсистом упругом кресле близ входа и

встречал гостей-зрителей многозначительным, одобрительным взглядом.

Он заходил в музеи, где ходил по залам, прислушиваясь к стону кожаных челси, отфальцованных ваксой; ревизовал довольно нередко для хозяина нулевого числа домашних животных зоомагазины, покупал корм для рыбок, дабы покормить уток у Центрального пруда; клиники проводывались N-ом, когда тот желал приобрести что-либо «гидрокарбонатное или хлоридно-натриевое». Те, к кому молодой человек обращался, недоумевали, но N снисходительно, плавно улыбался и спешил им объяснить: «Ессентуки». А переступая порог церкви, юноша приобретал огромную в объёме восковую свечу, усиленно прижигал её основание, наконец, прилеплял ее к подсвечнику на столике посреди залы, куда притягивалась куча народу. И они крестились, и N крестился. Выходя из внутреннего предалтарного зала, воцерковленный юноша как бы сочувственно и светло-печально заглядывал в очи тем, кто попадался на пути и легонько, едва примечательно кивал. Уже сойдя с паперти, он полосовал себя правой кистью и выдыхал поклоном перед витражом Иисуса Христа. Часто у входа в церковь стояли нищие, прокаженные и заблудшие пьяницы. Им господин N давал по ровну, и из-за этого он большей частью беднел сам, потому что просчитывался и, отдавая четверым по немалой сумме, последнему не мог дать меньше, и так он прощался с деньгами на проезд и напомаженные пышечки.

Этим образом молодой человек распределял свое время в пристольном городе. Вечер обозначил его возвращение из книжного отделения, которое продавало научную и художественную литературу. Молодой внимательный N изучал обложки книг и не мог остановиться на одной, ибо его привередливый вкус тактично уводил его к следующей полке или стеллажу. Но сейчас юноша получил автобусный билет. Прочитав номер «511007» несколько раз, мистер N улыбнулся. «Счастливый билет», – подумал он и развернулся к салону. Подойдя к двери со стеклом, затемненным сумраком, молодой человек увидел самого себя: свои зеленые томные глаза над очками, ровные виски и уложенные вверх темные волосы, грациозный тонкий и длинный нос, легкую растительность по контуру челюсти, на подбородке и над верхней губой. Левой рукой провёл по усам и щетине, наслаждаясь треском. Напряг обонятельные рецепторы, чтобы захватить запах своего одеколона и дезодоранта. Окинул взглядом ровные ногти на чистых руках; кисти, окаймленные справа весьма заметной, но в основном не бросающей тенью волос. День весь выходил отличным.

Господин N повернулся налево, осматривая пассажиров и надеясь взглядом поделиться замечательностью этого дня с остальными. В глаза бросилась голубоглазая шатенка у окошка, но юноша не встретился с ней взглядом, потому что она отвела свой взор. Тогда пронизательный N повернулся направо, но лишь для того, чтобы познакомиться с белками

глаз супругов лет сорока. Упорно избегали глаз молодого человека военные, прижавшиеся к широкому глубинному иллюминатору напротив входа. Ловко вперилась в мелькающие переулки блондинка на сиденье у притолоки, хотя весь её вид показывал намерение увидеть фигуру юноши. Маленький мальчик в шапке с помпоном начал разглядывать свои ручонки, как только N посмотрел на него. Как будто все почему-то стеснялись молодого человека, правда его внешний вид: зеленые выразительные глаза, выпуклый лоб, нос, губы; пальто, брюки и туфли – заслуживает разительного внимания. Мистер N расположился рядом с женщиной, не молодой и не старой, на замшевом сиденье, сложил руки и вытянулся по спинке. Две минуты молодой человек о чем-то неясно думал – затем его взгляд лишился неопределённости. Он повернулся к соседке всем своим красивым лицом, но соседка рассеянно глядела перед собой, не замечая или игнорируя соседа. Юноша отвернулся и так же, как и женщина, пусто взглянул вперед, встал с места и вышел на Ярмарочной улице.

Ярмарочная улица была вторая по оживленности улица города. Здесь не было достопримечательностей, памятников, выставок и музеев – это было одно из наиболее бессмысленных с культурной точки зрения, тесных, но тем не менее очень посещаемых мест. Людей тянуло сюда по инерции, потому что остальных тянуло сюда по инерции. Лично я видел самых разных людей. Влюбленные пары (и иногда трой-

ки), друзья и подруги, своры огольцов-мальчишек и волны военных, которые если утрамбовывались в какое-то здание, то, можно считать, вход остальным туда на время был закрыт; бабушки и дедушки, инвалиды-колясочники, мамы с детьми и папы с мамами, кутейники и священники, продавцы и ещё раз продавцы, оттого что их здесь обыденно предельно много. Разноцветную человеческую канву скрепляло вместе непрерывное снование. Они сновали туда-сюда, будто пытались спастись от катаклизма и паниковали из-за неизбежности его приближения – паниковал, однако, только их рассудок, распыляемый на множество неоновых вывесок, прозрачных нагроможденных стендов, корзинок и полок с едой и выпивкой. Особенно довольны были азербайджанцы и турки. Их товар: апельсины, все равные между собой, яркие, сочные; лимоны, спелые кисло-жёлтые; яблоки, сладкие и звонкие, и многое другое, что вы знаете лучше меня – расхватывался буквально с порога, а казна продавца увеличивалась на баснословные значения. Магазины рождали одних прохожих и поглощали других на протяжении всего дня, и это был непрерывный процесс.

Ярмарочная улица кишела людьми и вечером, так как сумерки не останавливали от желания покупать и продавать, вот только сегодня она была пуста: лишь один бородатый араб курил папироску у входа, видимо, в свою собственную лавку. Всё это, мягко говоря, озадачило вышедшего на остановке N-а. Помимо того, что ожидания юноши не оправда-

лись, стало как-то слишком холодно. Молодой человек быстро зарылся в кашне и пошёл по пустынному маршруту домой. Точнее, его ноги должны были привести его самого в конце концов к карнизу знакомого здания, однако N не знал, как скоро придет этот момент. «Я понимаю – Леонид: ему вообще, судя по внешнему виду, нельзя часто гулять. А как же тот парень в разноцветном шарфе и родинкой на лбу? Неужели и его я не увижу? А седой мужчина, в морщинах, без щетины, с прижатым будто магнитом носом, с которым мы обменялись улыбками, когда я спросил его, сколько времени сейчас, хотя я сам мог посмотреть время на своих часах. Я это сделал с великим искусством, я ведь помню, что ему сказал, правильно слова подобрал... Я произвёл впечатление! А милая голубоглазая барышня с приятными, карминовыми губами и кругленьким лобиком? Она разглядывала меня, когда я повернулся на неё и застал врасплох. Или странный мальчик, который ходит, развернув ступни в бок. Как вообще так можно ходить? Чего сложного: ставишь ногу прямо. У него ещё руки болтаются как макароны... Где он? И почему в автобусе на меня никто не посмотрел?»

Темноволосый, с берилловыми застывшими глазами, человек прошел вдоль витрин закрытых магазинов, пересёк дорогу и оказался у Центрального пруда. Проходя сквозь аллею обнаженных деревьев, N оглядывался по сторонам, прижимался то к одному, то к другому краю дорожки, но не находил живой души. По темной водной глади пруда катались

утки, но не люди. Людей не было ни за деревьями, ни под лавками – нигде. Пройдя ещё одну аллею, молодой человек вошел во двор, в подъезд и, наконец, в свою квартиру. Безмолвно переодевшись и лёгши в постель, молодой человек пробыл с раскрытыми веками минут десять. Волнения ветра чередовались с очень откровенной, глухой тишиной. Н лежал без движения. Во всём доме не слышалось ни шороха. Ведь это поистине очень странно: каждый человек, все жители города, которые, как хлебосольные хозяева, должны были принять Н-а – званого, долгожданного, широко известного, достопочтимого гостя, – пропали и сейчас находились непонятно где.

В воздухе что-то поменялось... Вместе с шумом ветра до юноши донеслись чьи-то слова и дородный смех. На лице господина Н сдвинулись брови. Он встал, оделся, и, пока собирался на свежий воздух, слышались все более явственно разных тембров голоса, людской шум. Звуки становились сильны настолько, что можно было подумать, соседи со всего дома устроили пикет прямо под дверями молодого человека. Выбежав на улицу, Н остановился посреди тротуара, губы его задрожали и растянулись в улыбку. Глаза юноши увлажнились, и он сорвался, побежал по знакомым маршрутам, радуясь появлению людей – такому же внезапному, как и их исчезновение ранее. Что-то, впрочем, было не то в этих самых прохожих: некое холодное устремление и прямой, безразличный взгляд. Н совсем забылся и потому не осознал,

как попал на главную улицу города. Люди здесь обыкновенно играли, шутили, питались внутри кафе и снаружи на удобных плетеных стульчиках за круглыми столиками. По общему впечатлению и детальному описанию это был родственник Невского проспекта. Это сходство отмечали многие и, как следствие, в шутку, конечно же, называли иногда данный бульвар по имени гоголевской греховодной улицы. Мистер N, с радостью на устах, припрыгивая, встречал глазами людей, но вспышка настроения быстро угасла. Молодой человек заметил полное равнодушие в глазах окружающих. Он остановился, губы дрогнули, а глаза его выразили удивление, затем – страх.

Юноша шел навстречу прохожим, рассматривая их фигуры от макушки до пят, заглядывал в лица. Люди непреклонно двигались по своим чётко спроектированным прямым линиям, как механические устройства, на N-а, пихали плечами, толкали всем телом, сбивали с ног. К горлу подступало отчаяние и готово было конденсироваться в слёзы. N сначала пытался заговорить с потерявшими рассудок обывателями проспекта. «Прошу покорно извинить... Нет, просто «прошу извинить»... Или... «Извините..»

– Прошу простить, девушка... – начал наконец N.

Но это обращение не заинтересовало даму. Как никого не заинтересовали прихотливые «простите, пожалуйста», «пару секунд, мсье», «ужасно извиняюсь», «трикратно прошу извинить», «многократно молю прощения», «уделите несколь-

ко мгновений», «аккурат парочку слов», «лишь один вздох», «толику вашего милосердия». Она прошла совсем рядом, но мимо, а на глазах N спустя тщетные дюжины попыток установить контакт с прохожими появились горькие слезы.

Тогда, уже плюнув на всякое собственное достоинство, молодой человек кинулся какому-то мужчине с деловым чемоданом в ноги, чтобы наконец вымолить: «Почему, почему Вы так...» Однако не успели слова сложиться в голове, как господин в кашне ощутил удар коленом в зубы. От боли и ошеломления юноша откинулся в сторону и лёг навзничь. Тот мужчина наступил пыльным каблуком туфли левой стопы на предплечье бедолаги и так же спокойно проследовал дальше. На мистера N надвигался ещё кто-то, поэтому он, прощупав языком окровавленные, но целые зубы, поднялся и сошел в сторону, к некоторому прилавку.

Другого мужчину, в более широком пальто и в очках, в отличие от первого, N схватил за горло и повалил на скамейку из красного дерева, нашел его глаза, освещенные луной, и хват сразу ослабел... Мужчина в пальто лежал, словно набитая ватой кукла, устремив взгляд в бездонное небо. Молодой человек выпрямился, сделал несколько шагов назад, не упуская из виду всю фигуру прохожего. Мужчина встал и пошёл на N-а. Мистер N пропустил пальто вперед, сопровождал его взглядом и направился прочь с главной улицы. Глядя под собой, молодой человек пробрался переулками домой, что-то бубня и мямля, огибая угрожавших столкновением

людей. Раздевшись, по привычке почистив зубы перед сном, N лёг и очнулся уже следующим вечером.

II

Во рту было сухо, поэтому юноша инстинктивно попытался нащупать со вчерашнего дня порожний стакан. Пошуршав блистерами от таблеток, которые обычно не лежали на столике у кровати, мистер N нашел и осушил сосуд. Спальное место обдул холодный ветер. Молодой человек засунул под одеяло руки и задремал. Утром юноша поднялся и, вспоминая события бредовой ночи, стоял посреди коридора. «В голове не укладывается», – про себя произнес он. В это время в проходе, ведущем в одну из спальных комнат, проредилась малюсенькая фигурка. Существо пристально смотрело мистеру N в зрачки глаз, иногда переводя взгляд на грудь и руки молодого человека. N полуоткрытыми веками измерил притолоку и, не обращая внимания на крошечный силуэт, занялся своим туалетом.

Спустя час N показался обритым и душистым, собрал на себе дневной гардероб и вышел на прогулку, допоздна. Дверь дрогнула и стихла, вскоре стихли и шаги туфель, ударила дверь подъезда, слышались постукивания обуви из выходящего на улицу окна, какие, несомненно, принадлежали месье N-у, а тень, согнутая временем, с беспокойным, выцветшим взором, всё ещё стояла у простенка, там же, захватывая зрением то место, где только что был юноша.

Тщедушный силуэт застыл, замёрз, точно овейный ка-

ким-то душевным морозом. Окоченевшие руки и ноги, закругленная спина, укрытая каким-то рубищем, ввалившиеся внутрь плечи, слегка вытянутая вперед шея и лицо, лицо, на которое N не обратил внимания и которого не помнил: оно было бледно, и в этой бледности виднелся свет; оно было будто бы треснуто, словно сухая земля, и по этим трещинам, выхолонная ожиданием и терпением, пробежала вода. Она пробежит не раз по изборонованному морщинами лицу истощенного временем создания. Хотя вернее будет сказать судьбой. Да, истощенного судьбой...